

Юрий Тихеев

Платон в европейской философской культуре
от романтизма до конца XIX в.

YURIY TIKHEEV

PLATO IN EUROPEAN PHILOSOPHICAL MILIEU
FROM ROMANTICISM TO THE END OF THE 19TH CENTURY

ABSTRACT. The development of the main approaches to interpreting Plato's thought was closely shaped by the specific characteristics of the national philosophical schools prevalent in 19th century Europe. A relative consensus on Plato's philosophy was typical only for the first centuries of the Modern Age, when, under the influence of new trends in philosophy, Plato's legacy lost its relevance. Interest in the figure of Plato revived at the end of the 18th century, when German romantics recognized in him an attractive image of the bearer of ancient wisdom, a poet and a mystic. The influence of Romanticism on modern intellectual culture allowed Plato to be brought back into the context of philosophy: first in Germany, and then in the European West, in France and England. Two outstanding German historians of philosophy, G.W.F. Hegel and E. Zeller, established the dominant interpretation, presenting Plato as a speculative philosopher and the Platonic idea as a distant precursor of the speculative concept. In France and England, interest in Plato was renewed under the German influence. However, these countries had their own views on the essence of Plato's thought. French spiritualistic philosophy understood the idea as a higher unity that does not depend on any logical procedure, but is accessible to intuition. In English pragmatically oriented thought, a skeptical view on the possibility of discovering a unified philosophical system in Plato's dialogues became predominant, and Plato's dialectic was interpreted as a kind of imperfect logic.

KEYWORDS: Plato, German romanticism, German speculative philosophy, French spiritualistic philosophy, English pragmatism.

В наши дни может показаться странным, но в истории мысли существовали целые эпохи, когда Платон, прочно утвердившийся в современном сознании в качестве первого по значению

© Ю.Б. Тихеев (Москва). tikheev@gmail.com. Московский физико-технический институт.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 22.1 (2025)

DOI: 10.25985/PI.22.1.08

европейского философа, пребывал едва ли не в полной неизвестности, а его философия оценивалась крайне невысоко. Одной из таких эпох стали первые века Нового времени. Пытаясь подыскать этому явлению недостающее объяснение, немецкий историк философии М. Вундт указывал на некий аристотелевский ренессанс, будто бы охвативший в XVI–XVII вв. европейскую мысль, на фоне которого Платон был причислен к второстепенному для того времени мистическому направлению¹. Вывод Вундта основывался на верном наблюдении — на добрую пару столетий Платон действительно утратил главенствующее положение в европейском интеллектуальном пространстве, — но был ошибочен в указании причин такого положения дел. По крайней мере до конца XVIII в. Платон оставался тем же самым божественным Платоном, каким предстал он в эпоху Возрождения перед своими поклонниками в Италии, и потому в первые века Нового времени был обречен на незавидное существование в качестве культурного анахронизма. Направление мысли, которое к тому времени уверенно взяло верх в европейской философии, оттеснило Платона на дальнюю периферию, сделало его фигурой второго плана, уделом немногих маргинальных умов².

Неясность мысли Платона в сочетании с действительными или мнимыми литературными достоинствами диалогов слишком контрастировали с деловитой сдержанностью и стремлением к простоте и ясности, свойственным интеллектуальной атмосфере первых веков Нового времени, и потому редко вызывали сочувствие у философов той поры. Распространившееся в эпоху Возрождения увлечение мыслью древних сошло на нет, и раздавались настойчивые призывы вычеркнуть имя Платона из списка величайших философов³. Неясность диалогов умножалась еще и тем, что начиная с XVIII в. читатель имел дело, как правило, с переводами на новые языки, мало что проясняющими в сказанном древним их автором. Отсюда разочарование Вольтера, ко-

---

¹ Wundt 1941: 149.

² Novotný 1977: 485.

³ Brucker 1742: 648.

торый обвинял Платона в сочинении басен и софизмов и в том вреде, какой нанес он философии⁴. Его младший современник, Кант, был более категоричен в оценках, назвав однажды Платона отцом всякой мечтательности (*Schwärmerei*), в которой предугадывал смерть философии⁵. Тем самым Кант сумел продемонстрировать характерный для века Просвещения взгляд на самого Платона, на античный платонизм в целом, равно как и свою негативную реакцию на возобновление в преддверии наступающей эпохи внимания к тому и другому⁶.

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась возвращением интереса к греческому наследию, затронувшего поначалу область пластических искусств и архитектуры⁷. Несомненным лидером нового течения мысли, приобретшего вскоре известность под названием *эллинизм* (иначе: филэллизм, грекомания) и выразившегося в особом пристрастии к греческой культуре, стремлении к собирательству и изучению ее памятников, выступила Англия. Именно здесь на частные средства снаряжались экспедиции в поисках экзотических восточных древностей, густо в ту пору рассеянных на неизведанных пространствах Греции, Малой Азии и Ближнего Востока. Не отставала от Англии и Франция, интерес к древнему миру в которой, правда, после египетского похода Наполеона получил заметный уклон в сторону негреческого Востока⁸. Однако за спинами у лидеров вскоре обнаружился неприятный ранее попутчик. Провинциальная Германия неожиданно заявила о своих правах на греческое наследие. В Германии эллинизм сразу обрел статус разве что не национальной религии⁹. Вообразив однажды, что в культуре Древней Греции человеческий

---

⁴ Voltaire 1794: 462.

⁵ Kant 1923: 399, 405.

⁶ Vieillard-Baron 1979: 55–56.

⁷ Irwin 1972: 22–29.

⁸ Позднее француз Э. Эггер, правда, писал, что открытия, сделанные в начале XIX в. в Египте, расширили представление о греческой древности, и сам Египет надолго затем стал «вторым очагом эллинизма» (Egger 1869: 428–429).

⁹ В англо-саксонской литературе XX в. немецкий эллинизм ввиду этой своей особенности стал рассматриваться как род «духовной тирании», в которой

дух выразил себя в той наивысшей степени, в какой затем уже не выразил себя ни у одного другого народа, образованный немец искал в предчувствуемой им *особой* духовной связи немецкого мира (das Deutschtum) с миром эллинским (das Griechentum), где бы таковую он ни обнаруживал, в природе своего языка, в родстве своего племени с племенем эллинским¹⁰, свидетельство небывалого в новую эпоху величия своей нации.

Охватившее, как поветрие, головы немцев преклонение перед всем греческим со временем получило название *нового гуманизма* и необходимое «историческое» обоснование. Новый гуманизм явился на сломе двух эпох, старой и новой, двух мировоззрений: *механистического* мировоззрения уходящего века, излагаемого на латыни и французском, и нарождающегося *органического*, требующего греческого и немецкого¹¹. Привычный доселе мир Европы, сформированный в недавнем прошлом старым латинским гуманизмом, отступал, чтобы дать место новому явлению человеческого духа, нашедшему для себя вторую родину в Германии. Немцы, впрочем, сумели соединить свой полурелигиозный культ Древней Греции с небывалой прежде скрупулезнейшей ученостью. Еще в середине XVIII в. виднейший немецкий филолог Д. Рункен не мог найти у себя на родине достойного места для занятий греческой словесностью и вынужден был сменить Германию на Голландию, где до конца дней обрел для себя пристанище¹², а в первой половине XIX в. и отчасти даже дольше — вплоть до конца столетия — львиная доля произведений древних авторов, выходивших из печати в Англии и Франции, представляла собой либо воспроизведение немецких изданий, либо была подготовлена немецкими учеными. В начале следующего столетия, указывая на это обстоятельство, У. фон Виламовиц-Мёллендорф

греки выступали тиранами, а немцы рабами (Butler 1935: 6), или как «культурное наваждение» (Marchand 1996: 3–35).

¹⁰ Wolf 1807: vi.

¹¹ Paulsen 1897: 189–203.

¹² Sandys 1908: 456–457.

с полным правом мог провозгласить приоритет Германии в исследованиях греческой древности¹³.

Затерянная на дальней полуазиатской окраине Греция несла с собой незнакомый аромат Востока — со временем сделавшийся для пробуждающегося европейского воображения более притягательным, чем общедоступные виды живописных римских развалин. Первыми, кто придал этому едва уловимому и манящему аромату осязаемость мысли, были романтики, и непосредственным результатом произошедшей в их головах метаморфозы стала новая иерархия древнего мира. Спустя четверть века В. Гюго в предисловии к драме «Кромвель» передал ее следующей фразой: Рим копировал Грецию, Вергилий подражал Гомеру¹⁴. Широко известный ныне *ориентализм* романтиков¹⁵ принято начинать с того момента, когда, уверенно продвигаясь на восток, они пересекли географическую границу Европы и оказались в Азии. Однако вплоть до начала XIX в. их мысль вполне удовлетворялась востоком европейским, а именно Древней Грецией, откуда и проистекала высочайшая оценка ее культуры. Восток (и вообще все «восточное») понимался при этом в двух значениях: не столько географическом, сколько *историческом*, в том особом понимании, какое вкладывали в это слово романтики. Восток представлялся им местом, где началась история, а его *древняя* культура — источником всего первоначального, незамутненного последующими привнесениями, первичного и подлинного, к каковому должен прильнуть всякий ищущий истину ум; между тем как европейский запад, возникший на руинах древнего мира и лишь недавно продвинувшийся до высот *новой* своей цивилизованности, был отмечен неизгладимой печатью вторичности.

---

¹³ Wilamowitz-Moellendorff 1921: 62.

¹⁴ Hugo 1828: vii. Гюго высказал устоявшийся к тому времени стереотип. Более раннее и пространное обоснование можно обнаружить у Ф. Шлегеля, по сходному поводу утверждавшего уже как некую очевидную истину, что в литературе римляне по отношению к грекам были лишь подражателями (*bloße Nachahmer*) (Schlegel 1961: 65).

¹⁵ Schwab 1950: 18–23 et passim.

В начале XIX в. английский романтик С.Т. Кольридж произнес слова отповеди всякому, кто притязает постичь древнюю мудрость Платона, оперируя мыслительным аппаратом, изобретенным новейшей французской и английской ученостью¹⁶. Сказанное приобретает еще больший вес, если учесть, что исходила она из уст англичанина, т.е. представителя европейского *запада*, причем не только с точки зрения Греции, что разумелось бы само собой, но с точки зрения Германии — страны, обретавшейся на восточной периферии нового европейского мира, обустроенного передовыми западными нациями, и до самого последнего времени с провинциальным любопытством следившей за их успехами. Но к моменту, когда Кольридж произнес эту свою отповедь, ситуация изменилась. Предшествующие два или три столетия любое движение мысли распространялось в Европе едва ли не исключительно с запада на восток, но немецкая романтика создала небывалый до той поры прецедент, контрабандой протасив свое влияние против культурного градиента эпохи. И Кольридж, вооруженный немецким изданием Платона и работами экзотических для английского ума Канта и Шеллинга, выступил агентом этого восточного влияния.

Рецепт романтического Платона был также изобретен в Германии. Ф. Шлегель любил повторять: у Платона не было системы, но только философия¹⁷; и то же самое можно сказать о собственной его философии, да и о романтической философии в целом. Неопределенность такого рода философии вполне компенсировалась заключенной в ней неотразимой притягательностью, которая тут же бы уничтожилась, обрети она хоть сколько-нибудь законченные очертания. Не умея определить более точно, молодой Шлегель называл ее *мистикой*¹⁸. И эта мистика казалась ему квинтэссенцией всего истинного, древнего, восточного и почти забытого в современную эпоху.

---

¹⁶ Coleridge 1936: 308.

¹⁷ Schlegel 1958: 118.

¹⁸ В анналах такой мистики Платон фигурировал как «князь мистиков» (der Fürst der Mystiker) (Schlegel 1963: 208).

Философские взгляды романтиков формировались в тесной зависимости от их литературных пристрастий, сосредотачиваясь вокруг поэзии, единодушно причисляемой ими к высочайшим достижениям человеческого духа, а эти последние могли быть представлены в самых неясных выражениях. Ф. Шлейермахер писал: «вознес божественный Платон священную мистику на высочайшую вершину божественности и человечности»¹⁹, и этих туманных слов было достаточно, чтобы объяснить в узком кругу посвященных всё величие греческого гения. Лишь засвидетельствованная в диалогах враждебность к поэзии не позволила немецким романтикам безоговорочно провозгласить Платона поэтом. Внимательный к такого рода деталям Ф. Шлегель предпочел в итоге более нейтральное — художник (*Künstler*)²⁰. Смелее были английские романтики, опознавшие в Платоне именно поэта. Но и здесь полное непонимание сказанного в диалогах, в чем искренне признавался тот же С.Т. Кольридж, один из самых горячих английских своего времени почитателей Платона, компенсировалось восхищением перед всеми теми визионерскими прозрениями²¹, какие в избытке обнаруживало взамен услужливое романтическое воображение. Не смущал даже тот очевидный факт, что диалоги были написаны прозой, ведь высшая поэзия не нуждается в метре²².

После долгого перерыва йенские романтики заново ввели Платона в широкий культурный обиход и тем самым немало способствовали его возвращению в лоно философии. В том, что это было в самом деле так, легко убедиться на примере виднейших представителей немецкого идеализма, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, поделенных поровну отношением к Платону. Для Канта и Фихте имя Платона не значило почти ничего, зато Шеллинг

---

¹⁹ Schleiermacher 1799: 168.

²⁰ Любопытно, например, утверждение Шлегеля, что Платон и Аристотель понимали философию по-разному, первый толковал ее как искусство (*Kunst*), второй — как науку (*Wissenschaft*) (Schlegel 1961: 55–56).

²¹ Coleridge 1920: 161.

²² *Ibid.*: 11.

и Гегель, становление которых происходило в пору бурного цветения романтизма, оказались в числе самых первых европейских философов, обнаруживших в диалогах интеллектуальный продукт, годный к употреблению в новую эпоху. Несмотря на то, что представления романтиков о философии никогда не обладали ясностью, их мысль была свежей и восприимчивой к новым веяниям, что выгодно отличало ее на фоне тяжеловесной учености уходящего века. Авторы обстоятельных пособий по истории философии XVIII в. претендовали лишь на то, чтобы со всеми возможными подробностями представить в хронологическом порядке взгляды тех, кого предшествующая традиция наградила званием «философ». Обладая громадной эрудицией, они не заметили в длинной череде излагаемых ими учений того главного, что превознес следующий век: развития, *истории*. Неудивительно, что об *exemplum maximitum* такого рода литературы, объемистом четырехтомном латинском труде Я. Брукера «Критическая история философии», Гегель в итоге отозвался как о ненужном балласте (*ein großer Ballast*)²³.

Новая немецкая философия сразу же подчинила Платона собственным интересам, но именно это обстоятельство больше всего и поспособствовало появлению нового к нему интереса. По мере того как росла философская слава Германии, увеличивалась в размере фигура греческого ее протезе. Когда в Европе впервые обратили внимание на достижения немецкой *спекулятивной* мысли, сама Германия при взгляде на нее с западной части континента представлялась страной незнакомой, но, по слухам, весьма привлекательной для непредвзятого исследователя. Во всяком случае, такой ее увидел один из самых первых поклонников новой немецкой философии француз В. Кузен, отправившийся летом 1817 г. в неизведанный восточный край с целью ознакомиться с тем, что до тех пор составляло предмет заочного его интереса²⁴. Наслышанный о шеллинговской натурфилософии Кузен желал

---

²³ Hegel 1833: 131.

²⁴ Simon 1887: 16.

засвидетельствовать свое почтение ее создателю, но того не оказалось в Мюнхене; зато в Гейдельберге случай столкнул его с Гегелем, с которым довелось ему свести близкое знакомство. Еще до своей поездки Кузен угадал блуждавшее в лучших немецких умах стремление к абсолютному единству (*l'unité absolue*), которому сам он сочувствовал всем своим сердцем. Не всегда понятные, но оттого не менее привлекательные, Шеллинг и Гегель привели его к Плотину и Проклу²⁵, а следом — к Платону.

Немецкое влияние прослеживается и в судьбе платоновского наследия в Англии, где вплоть до середины XIX в. имя греческого философа было окружено едва ли не полным равнодушием²⁶. Потребовалось больше столетия, чтобы вслед за возобновлением интереса к греческой культуре в английском культурном сознании произошел поворот к Платону. Одним из инициаторов этих перемен был Б. Джоветт, на вершине своей университетской карьеры более двадцати лет возглавлявший оксфордский Бэллиол-колледж. Два лета подряд в середине 1840-х гг. Джоветт провел в Германии. Уже более десяти лет как Гегеля не было в живых, но он сумел встретиться с тогдашним насельником гегелевской истории философии Й.Э. Эрдманом; в Берлине посетил местных знаменитостей, Шеллинга и А. Неандера; на конгрессе в Дрездене имел возможность познакомиться с виднейшими представителями немецкой *Althphilologie*, среди которых был знаменитый издатель Платона и Аристотеля И. Беккер²⁷. В бытность свою в Оксфорде Джоветт осуществил ряд важных преобразований. Уже в первые годы карьеры университетского лектора он ввел в курс обучения «Государство» Платона — до того времени знакомство местных студентов с греческой философской литературой ограничивалось «Этикой» и «Риторикой» Аристотеля²⁸ — и всеми силами старался возбудить интерес аудитории к самому Платону и к греческой мысли в целом.

---

²⁵ Simon 1887: 17–18.

²⁶ Turner 1981: 369–375.

²⁷ Abbott, Campbell 1897: 90, 98.

²⁸ *Ibid.*: 132, 215.

Успеху немецкой философии за пределами Германии долгое время препятствовала ее несхожесть с известными до тех пор образцами философствования. Чтобы вообще взять в руку немецкую философскую книгу, французский, а еще больше английский читатель должен был прежде избавиться от прочно укоренившегося в его сознании предубеждения в ее отсталости и даже вреде²⁹, но и в тех случаях, когда таковой читатель испытывал заведомый к ней интерес, он сталкивался с едва преодолимыми препятствиями, создаваемыми незнакомым языком, а главное — с тем, *что и как* в этой книге было сказано. Один из первых в Англии поклонников немецкой философии, Дж. Х. Стирлинг, сделал достоянием гласности свои впечатления от знакомства с гегелевской «Энциклопедией». Вокруг этой книги, писал он, будто витал дух новизны, придавая притягательность уже одному ее виду, но чтобы вникнуть в самый ее смысл, ему пришлось продирается сквозь путанную структуру многочисленных параграфов, вникать в непривычный философский жаргон, странный и непонятный, приравниваться к концентрированному выражению мысли, когда в один параграф могла быть сведена сумма всей системы³⁰. Стирлингу вторил Б. Джоветт, сравнивший разгадывание сказанного Гегелем с решением математической задачи³¹. Новая немецкая философия плохо покамест выговаривалась по-английски³² и по-французски³³.

А потому Платон в Англии и во Франции, хотя и обрел новую свою популярность на волне распространившегося (поначалу среди узкого круга реципиентов) немецкого влияния, далеко не сразу стал тем *спекулятивным* философом, в какового усилиями Гегеля и Э. Целлера в короткое время был превращен в Германии. К концу века, пережив миграцию генеральной линии немецкой истории философии из гегельянского лагеря в неокантиан-

---

²⁹ Stirling 1865: xxii–xxxiv.

³⁰ *Ibid.*: 4–9.

³¹ Abbott, Campbell 1897: 130.

³² Faber 1957: 178–179.

³³ Willm 1847: 383.

ский, взгляд на Платона как на спекулятивного философа сделался преобладающим. Но все это время продолжали существовать и противники такого взгляда, и не только в Англии и во Франции, стремившихся отстоять свою философскую самостоятельность, но и в самой Германии. В конечном итоге толкование сказанного в диалогах зависело от того, какую, собственно, философию хотели обнаружить у их автора. У себя на родине Целлер обрел непримиримого оппонента в лице Г. Тейхмюллера; предметом полемики, по большей части, впрочем, односторонней, выступил миф. Целлер не был самостоятельным мыслителем, но еще в годы своего ученичества твердо усвоил постулаты гегелевской истории философии. Гегель же разглядел в фигуре Платона первого в европейской мысли *спекулятивного философа*. Единственное, что смущало Гегеля, так это очевидная в диалогах неспособность их автора удерживать в неприкосновенности спекулятивную чистоту идей, раз за разом принимавших форму мифа, — то, что Целлер однажды назвал «мифическое облачение платоновских философов»³⁴. И всё же Гегелю важно было показать, что платоновская идея в дальней исторической ретроспективе явилась прообразом спекулятивного понятия, и потому всеми доступными средствами старался он отмежевать идею от чувственных, внешних и случайных, в нее привнесений. Продолжая дальше в том же направлении, Целлер превратил Платона в дуалиста³⁵. Его оппонент Тейхмюллер принадлежал к альтернативной линии немецкой мысли и апеллировал к той части платоновского наследия, где, наоборот, говорилось о *причастности* идеи чувственным вещам, ее *имманентности*, присутствию в мире — *парусии*, которая как раз и обнаруживает себя в мифе³⁶.

Французская мысль XIX в., руководствуясь, по сути, тем же, что и современная ей немецкая, стремлением придать неясному и противоречивому литературному наследию Платона как можно больше философской однозначности, исходила из сфор-

---

³⁴ Zeller 1839: 207.

³⁵ Zeller 1921: 768–769.

³⁶ Teichmüller 1876: 29–38.

мулированного В. Кузеном коренного различения «идеи» и «понятия», умозрительного и логического. Идея не производится в результате какой-либо мыслительной процедуры, а дана уму (*l'esprit*) сразу, в неизменном виде посредством *интуиции*. Кузен недвусмысленно обозначил первенство интуиции, по отношению к которой диалектика выступала как подготовительная ступень. Однако всё сказанное им по этому поводу заставляет думать, что оба эти вида познания не только имеют разную гносеологическую ценность, но не сводимы один к другому³⁷. Тех же взглядов держался и А. Фуллье — автор крупнейшего в XIX в. французского исследования о Платоне. Он последовательно отстаивал превосходство интуиции, дающей то, что в познании ценится прежде всего: высшего единства (*l'unité suprême*) над любым видом логических операций³⁸. Признание полного в области познания приоритета за интуицией, о которой, как Кузен однажды заметил, Кант даже не догадывался³⁹, обозначило линию размежевания французской спиритуалистической и немецкой спекулятивной мысли и вместе с тем разнонаправленность преобладавших во Франции и в Германии на протяжении века толкований Платона.

В Англии особого внимания заслуживает Дж. Грот. С замечательным упорством этот английский историк противился немецкому стремлению представить Платона центральной фигурой греческой мысли, и еще в середине XIX в. обнаруживал таковую в Сократе. Именно вокруг Сократа им были объединены, с одной стороны, Платон и Ксенофонт, в качестве мемуаристов, оставивших позднейшим поколениям два независимых портрета «учителя», с другой — Платон и Аристотель, в качестве последователей, в разных направлениях развивавших «сократический метод»; но и в этих парах Платон уступал каждому из своих *vis-à-vis*. Платон представлялся Гроту незаурядным спекулятивным мыслителем и писателем, в своих сочинениях превратившим Со-

---

³⁷ Cousin 1864: 121–123.

³⁸ Fouillée 1869: 7, 50.

³⁹ Cousin 1858: 95.

крата в рупор собственных взглядов⁴⁰. Из этого следовало, что *Memorabilia* Ксенофонта, не имевшего собственных философских амбиций и не прибегавшего к столь же беззастенчивой эксплуатации образа покойного «учителя», обладают большей достоверностью⁴¹.

Да и само определение Платона в качестве спекулятивного гения приобретало под пером Дж. Грота неустранимый отпечаток пейоративности. Причиной тому была *негативная* диалектика, образцами которой изобиловали диалоги. Такая диалектика не приводила ни к какому положительному результату или вообще заканчивалась ничем⁴². Родоначальником негативной диалектики Грот называл Зенона Элейского; как побочная линия, она присутствовала, по его мнению, и у реального Сократа, но именно Платон, абсолютизив, увековечил ее в качестве того, что впоследствии получило название сократического метода⁴³; и только «гений Аристотеля» вывел методологические искания греческой мысли на твердую почву формальной логики⁴⁴.

Спустя полтора десятка лет Дж. Грот вернулся к тому же кругу вопросов в самом значительном своем исследовании греческой мысли «Платон и другие спутники Сократа». Хотя в заглавии этого сочинения Платон был поименован среди прочих сократиков и таким образом сохранил эксцентрическое в философии своего времени положение, на этот раз именно он был сделан главным объектом исследования. Растущая как снежный ком немецкая литература о Платоне, непосредственной реакцией на которую, собственно, и стало сочинение Грота, достигла к тому времени небывалых прежде в такого рода исследованиях скрупулезности и внимания к деталям. И потому, даже находясь в Англии, скептически настроенной к движениям интеллектуальной моды, идущим из Европы, невозможно было вынести окончательного решения о мысли греческого философа, не входя в специальный анализ

---

⁴⁰ Grote 1850: 549–550.

⁴¹ *Ibid.*: 578.

⁴² *Ibid.*: 615.

⁴³ *Ibid.*: 606.

⁴⁴ *Ibid.*: 584.

оставленного им наследия. Спустя годы взгляд Грота на Платона смягчился. Путь разыскания истины, преобладающий в диалогах, по-прежнему представлялся ему бесплодным, окольным, путаным, намеренно затянутым⁴⁵, но всё же, как полагал он теперь, не совсем бесполезным для целей устранения ложных предубеждений⁴⁶. С бóльшим сочувствием отнесся Грот к очевидному в тех же диалогах стремлению к истине, унаследованному Платоном от Сократа и ставшему для обоих делом жизни⁴⁷.

Но вот появление на свет поздних диалогов было вызвано, по твердому его убеждению, уже совсем иными причинами. В зрелые свои годы Платон предстает догматиком и изощренным в своем мастерстве писателем, для которого диалог стал такой же литературной формой, какой стала трагедия для Софокла или ораторская речь для Исократ⁴⁸. При взгляде на Платона как на писателя корпус оставленных им текстов утрачивал концептуальное единство, упорно отстаиваемое немецкой наукой, и обращивался пестрым набором мало связанных между собой литературных произведений, о порядке и обстоятельствах написания которых возможны лишь самые неясные предположения; и точно так же в диалогах не могла быть изложена какая-либо *одна* философская система, будто бы принадлежащая их автору⁴⁹; да и сама личность этого автора терялась среди множества противоречивых своих воплощений⁵⁰.

Тот факт, что в Англии долгое время не могли разглядеть в диалогах Платона хоть сколько-нибудь внятной *теории*, объяснялся в конечном счете преобладанием в этой стране *прагматического* направления мысли⁵¹. Что касается Дж. Грота, то всю свою жизнь он оставался убежденным сторонником утилитаризма Дж. Мил-

---

⁴⁵ Grote 1867: 238.

⁴⁶ *Ibid.*: 245.

⁴⁷ *Ibid.*: 267.

⁴⁸ *Ibid.*: 276.

⁴⁹ *Ibid.*: 279.

⁵⁰ *Ibid.*: 214–215.

⁵¹ Muirhead 1931: 134.

ля и Й. Бентама и, не будучи философом в прямом смысле слова, по образу своего мышления примыкал к упомянутому выше прагматическому направлению. В не меньшей степени интеллектуальные предпочтения Грота сказались в особом пиетете к логическим изысканиям его друга Дж. Ст. Милля, двухтомный труд которого «Система логики» полагал он лучшей книгой в своей библиотеке⁵². И поскольку в поздних литературных опытах Платона трудно было угадать что-нибудь напоминающее «теорию», во всяком случае в том виде, в каком ее готов был воспринять Грот, самое большее, что он еще мог отыскать в диалогах в качестве таковой, был тот или иной вариант несовершенного логического учения.

Даже из проделанного выше небольшого обзора становится очевидным, что на всем протяжении XIX в. не существовало устойчивого взгляда на характер платоновской мысли. Да и сам образ Платона претерпел за это время значительную эволюцию — от мистика и романтического поэта до спекулятивного философа. Линия этой эволюции хорошо прослеживается в немецкой науке, и именно эту линию, учитывая выдающийся вклад Германии в освоение греческого философского наследия, следует, видимо, признать главной. Однако тогда же существовали альтернативные взгляды на Платона — во Франции, в Англии, да и в самой Германии. И это трудно назвать случайным: философы того века смотрелись в Платона, как в зеркало, пытаясь угадать в темном отражении знакомые черты собственной мысли. Этим объясняется просуществовавшее на протяжении целого столетия многообразие во взглядах на Платона, непривычное в сравнении с унифицированным в XX в. его образом — основателя европейской философской традиции и философа *par excellence*, — широко растиражированном сегодня в необозримом количестве экземпляров в доступных пособиях по философии, этике, эстетике, теории политических учений, эпистемологии, герменевтике и чему угодно, где только упоминается имя этого греческого философа.

---

⁵² Clarke 1945: 129; 135.

Литература

- Abbott, E.; Campbell, L. (1897), *The life and letters of Benjamin Jowett*. Vol. 1. London: Murray.
- Brucker, J. (1742), *Historia critica philosophiae*. T. 1. Leipzig: Breitkopf.
- Butler, E.M. (1935), *The Tyranny of Greece over Germany*. Cambridge University Press.
- Clarke, M.L. (1962), *George Grote*. London: The Athlone Press.
- Coleridge, S.T. (1920), *Biographia literaria*. Vol. 1. Cambridge University Press.
- Coleridge, S.T. (1936), *Miscellaneous Criticism*. Harvard University Press.
- Cousin, V. (1858), *Du vrai, du beau et du bien*. Paris: Didier et Cie.
- Cousin, V. (1864), *Histoire générale de la philosophie depuis les temps les plus anciens jusqu'à la fin du XVIII siècle*. Paris: Didier et Cie.
- Egger, E. (1869), *L'Hellénisme en France*. T. 2. Paris: Didier et Cie.
- Faber, G. (1957), *Jowett*. London: Faber & Faber.
- Fouillée, A. (1869), *La philosophie de Platon. Exposition histoire et critique de la théorie des idées*. T. 1. Paris: Ladrangé.
- Grote, G. (1850), *History of Greece*. Vol. 8. London: Murray.
- Grote, G. (1867), *Plato and the other companions of Socrates*. Vol. 1. London: Murray.
- Hegel, G.W.F. (1833), *G.W.F. Hegel's Werke*. Bd. 13: *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie 1* (ed. K.L. Michelet). Berlin: Duncker und Humblot.
- Hugo, V. (1828), *Cromwell*. Paris: Dupont et Cie.
- Irwin, D. (1972), "Introduction", in Id. (ed.), *Winkelmann. Writings on art*. London: Phaidon.
- Kant, I. (1923), "Von einem neuerdings erhobenen vornehmen Ton in der Philosophie", in *Kant's gesammelte Schriften*, 8,387–406. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
- Marchand, S.L. (1996), *Down from Olympus. Archeology and Philhellenism in Germany, 1750–1970*. Princeton University Press.
- Muirhead, J.H. (1931), *The Platonic tradition in Anglo-Saxon philosophy. Studies in the history of idealism in England and America*. London: Allen & Unwin.
- Novotný, F. (1977), *The Posthumous Life of Plato*. Hague: Nijhoff.
- Paulsen, F. (1897), *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Mit besonderer Rücksicht auf den klassischen Unterricht*. Bd. 2. Leipzig: Veit & Comp.

- Sandys, J.E. (1908), *History of Classical Scholarship*. Vol. 3. Cambridge University Press.
- Schlegel, F. (1958), "Geschichte der europäischen Literatur", in E. Behler (ed.), *Kritische Friedrich Schlegel Ausgabe*, 11.3–185. Paderborn; München; Wien: Verlag Ferdinand Schöningh.
- Schlegel, F. (1961), *Kritische Friedrich Schlegel Ausgabe*. Bd. 6: *Geschichte der alten und neuen Literatur* (ed. H. Eichner). Paderborn; München; Wien: Verlag Ferdinand Schöningh.
- Schlegel, F. (1963), *Kritische Friedrich Schlegel Ausgabe*. Bd. 18: *Philosophische Lehrjahre 1796–1806 1* (ed. E. Behler). München; Paderborn; Wien: Verlag Ferdinand Schöningh; Zürich: Thomas-Verlag.
- Schleiermacher, F. (1799), *Über die Religion. Reden an die Gebildeten unter ihren Verächtern*. Berlin: Unger.
- Schwab, R. (1950), *La renaissance orientale*. Paris: Payot.
- Simon, J. (1887), *Victor Cousin*. Paris: Hachette.
- Stirling, J.H. (1865), *The secret of Hegel: being the Hegelian system in origin, principle, form, and matter*. Vol. 1. London: Longman, Green, Longman, Roberts & Green.
- Teichmüller, G. (1876), *Die platonische Frage. Eine Streitschrift gegen Zeller*. Gotha: Perthes.
- Turner, F.M. (1981), *The Greek Heritage in Victorian Britain*. Yale University Press.
- Vieillard-Baron, J.-L. (1979), *Platon et l'idéalisme allemand (1770–1830)*. Paris: Beauchesne.
- Voltaire (1794), *Questions sur l'Encyclopédie*. Paris: Stoupe.
- Wilamowitz-Moellendorff, U. von (1921), *Geschichte der Philologie*. Stuttgart; Leipzig: Teubner.
- Willm, J. (1847), *Histoire de la philosophie allemande depuis Kant jusqu'à Hegel*. T. 3. Paris: Ladrangé.
- Wolf, F.A. (1807), "Darstellung der Altertumswissenschaft nach Begriff, Umfang, Zweck und Wert", in Id., Ph. Buttmann (eds.), *Museum der Alterthums-Wissenschaft 1*: 10–142. Berlin: Realschulbuchhandlung.
- Wundt, M. (1941), "Die Wiederentdeckung Platons im 18. Jahrhundert", *Blätter für deutsche Philosophie* 15.1/2: 149–158. Berlin: Junker und Dünnhaupt.
- Zeller, E. (1839), *Platonische Studien*. Tübingen: Osiander.
- Zeller, E. (1921), *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt*. Bd. 2.2. Leipzig: Reisland.